

ЭЛИТОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Ашин Г. К.

Термин «элитология» – российская новация конца XX столетия. Она введена в научный оборот в ответ на потребность создания комплексной научной дисциплины, описывающей феномен элиты, интегрирующий достижения и методы философии, политологии, социологии, социальной психологии, социологии, исторической науки, культурологии. В данной статье подчеркивается роль философии как теоретического фундамента решения элитологических проблем.

Ключевые слова: элита, элитология, псевдоэлита, народные массы

Keywords: elite, elitology, pseudoelite, people masses

Для преподавателей и студентов элитного МГИМО (У), естественен интерес к элитологии – науке об элитах и элитном.

Предмет элитологии. XX век резко ускорил процесс дифференциации и интеграции наук, передав его, как эстафету, XXI веку. Причем новые научные дисциплины все чаще формируются не просто как специализированные области уже сложившихся научных дисциплин, а именно как дисциплины, интегрирующие достижения разных, главным образом, смежных наук (а порой и весьма далеких друг от друга)¹, причем часто методы и концепции одной науки оказываются эвристическими при решении проблем, возникающих перед другой научной дисциплиной. Именно такой комплексной научной дисциплиной, все более претендующей на самостоятельный статус, является элитология². Она сформировалась в русле социальной и политической философии, но интегрировала в себя достижения и методы других, смежных дисциплин. Элитология сложилась как комплексное междисциплинарное знание, лежащее на стыке политологии, социальной философии, социологии, всеобщей истории, социальной психологии, культурологии.

Элитология – сравнительно новая социально-политическая дисциплина, хотя корни ее уходят в седую древность. *Это наука об элитах и элитном, о высшем слое в системе социально-политической*

стратификации. Являясь меньшинством общества, этот слой играет огромную, часто решающую роль в социальном процессе. Особая роль элиты обусловливается особой важностью управленческой деятельности. Судьбы миллионов людей напрямую зависят от решений, которые принимает это правящее меньшинство. Справедливо ли такое положение, является ли оно всеобщим законом общественного развития или это – историческое явление, возникающее на определенном этапе исторического процесса и, следовательно, преходящее, как формируются элиты, как они приходят к власти, а затем деградируют, уходят с исторической арены, как происходит трансформация и смена элит, можно ли повысить качество элиты, и если да, то какими методами – вот важнейшие проблемы, которые стремится решить эта научная дисциплина.

Но в предельно широком смысле элитология выходит за границы системности общественных наук, ее можно рассматривать как науку о дифференциации и иерархизации бытия, его упорядоченности, структурализации и эволюции, негэнтропийном процессе. Известно, что движение от хаоса к упорядоченности – содержание процесса развития – включает в себя дифференциацию бытия, с которой неразрывно связана его иерархизация (ключевая проблема для понимания феномена элиты и элитного). Как известно, особенность

Научные школы МГИМО

систем – их устойчивая способность к саморегуляции, предотвращению или минимизации возмущений, поддержание равновесия, гомеостаза. Общая теория систем имеет предельно широкую область применения. Любую систему можно представить как определенную целостность, состоящую из элементов, находящихся в отношениях, связях друг с другом, составляющих определенное единство; причем можно выявить иерархию этих отношений, их субординацию (каждый элемент системы может рассматриваться как подсистема, то есть система более низкого порядка, как компонент более широкой системы). Несомненно связь элитологии с синергетикой (которую можно рассматривать как пролегомены к элитологии или, точнее, как ее метатеорию). Синергетику, в развитие которой огромный вклад сделал И. Р. Пригожин, можно назвать наукой об универсальных закономерностях развития сложных динамических самоорганизующихся систем, причем последние претерпевают резкие изменения состояний в периоды нестабильности. В синергетической парадигме развитие есть смена стабильных состояний системы короткими хаотическими периодами (бифуркациями), обуславливающими переход к последующему стабильному состоянию, причем выбор носит вероятностный характер и происходит в точках бифуркации. *Именно в эти периоды в социальных системах наиболее вероятны элитогенез, а также смена элит.*

В предельно широком толковании элитология – это своего рода метатеория по отношению к социальной элитологии, которая, собственно, и есть предмет ее исследования. И последняя не есть экстраполяция на общество элитологии бытия, законов космоса или хотя бы биологической элитологии. Про социальную элитологию мало сказать, что она специфична, она существенно отличается от иерархизации в природе (макро- и микрокосмосе), ибо она – субъектна, ее законы реализуются через активную деятельность людей; законы общества не являются просто продолжением или частным случаем законов природы. Общество, с одной стороны, – часть материального мира, но это такая часть, которая не только отлична от природы, но в известном смысле также и противоположна ей, будучи продуктом деятельности людей.

Но не будем бесконечно расширять предмет элитологии, хотя бы потому, что вследствие этого она теряет свою специфику. Пожалуй, гораздо точнее будет сказать, что элитология в широком смысле основывается на учении о системности бытия, (а, следовательно, на общей теории систем), его дифференциации и иерархизации, на законах

термодинамики (энтропии и негэнтропии), синергетике. Разумеется, указанные области знания сами по себе не раскрывают специфики элитологии, они скорее указывают на те установки и принципы, от которых отталкивается элитология, на которых она основывается. Они в лучшем случае могут быть лишь предварительными замечаниями по поводу того, на какие методологические установки опирается элитология.

Отметим, что иерархичность свойственна не только морфологии определенной системы, но и ее функционированию: отдельные уровни системы ответственны за определенные аспекты ее поведения, функционирование системы как целого является результатом взаимодействия всех ее уровней, причем управление системой в целом осуществляется ее высшим уровнем. Таким образом, в сложных динамических системах можно выделить управляющую и управляемую подсистемы, зафиксировать явление субординации – важнейший момент, объясняющий проблему элиты и элитности. Среди наиболее сложных динамических систем особый интерес представляют биологические и, разумеется, социальные системы, причем последние, собственно, и являются специфическим предметом рассмотрения элитологов. Отметим, что одним из основателей подхода к обществу как к системе, находящейся в состоянии динамического равновесия, был признанный классик элитологии В. Парето. В этой связи хотелось бы отметить также разработку системного подхода в тектологии А. А. Богданова³ и праксиологии Т. Котарбинского⁴, которые особенно плодотворны применительно к пониманию функционирования политико-административной элиты.

Известно, что особенность систем – их способность к саморегуляции, предотвращение или минимизация возмущений, поддержание равновесия, гомеостаза. Другая особенность систем – их иерархическая структура, в которой качество целого несводимо к свойствам составляющих ее элементов. Система как иерархическая структура, как целостность «задает» программу функционирования ее элементов, (причем саморегуляция биологических систем, в частности, популяции, происходит не на уровне особей, составляющих популяцию, а на уровне популяции как целостности, а в обществе – не на уровне индивидов, а на уровне социума, причем выделение элиты – элемент эволюции социальных систем на определенном этапе их развития, направленный на уменьшение энтропии; главное качество элиты – удерживать социальную систему в состоянии равновесия, давать ей импульс к динамическому развитию).

Эволюционное изменение биологической популяции начинается со сдвига в условиях среды и ведет к увеличению частоты и разнообразия генетических и поведенческих отклонений от нормы. Особи, реализующие наиболее жизнеспособные отклонения от нормы, можно назвать элитными. Эти элитные особи выступают как бы разведчиками, а затем и авангардом в развитии популяции, наиболее полезные из них для популяции «отбираются» этой популяцией через закрепление оптимальных для популяции качеств в потомстве этих особей. Причем нужные для популяции изменения в элитных особях естественный (равно как и искусственный) отбор превращает в массовые (типичные) для популяции, в норму. Как отмечает видный российский палеонтолог М. А. Шишкин, «в ходе отбора структуры и функции организма вовлекаются в скоординированное изменение, которое распространяется в поколениях вплоть до уровня генома и в итоге превращает аберрацию в новую устойчивую норму»⁵.

Теперь сузим предмет элитологии до социальной элитологии⁶, которая и есть элитология в собственном смысле слова. Элитологию можно рассматривать как науку об основаниях социальной дифференциации и стратификации, точнее, как науку о высшей страте в любой системе социальной стратификации, об ее особых функциях, связанных с управлением системой в целом или тех или иных ее подсистем, с выработкой норм и ценностей, которые служат самоподдержанию системы и ее развитию, ориентируют ее на движение в определенном направлении, как правило, на совершенствование системы, на ее прогресс. Поэтому к элитам относятся наиболее динамичные, пассионарные элементы общества (или, если это относится к закрытым обществам, их высших классов или социальных страт). Таким образом, элита – часть общества, состоящая из наиболее авторитетных, влиятельных людей, которая занимает ведущие позиции в выработке норм и ценностей, определяющих функционирование и развитие социальной системы. Элита является той референтной группой, на ценности которой, считающиеся образцовыми, ориентируется общество. Это или носители традиций, скрепляющих, стабилизирующих общество, или, в иных социальных ситуациях, (обычно кризисных) – наиболее активные, элементы населения, являющиеся инновационными группами. Таким образом, элитология – это наука об элитах и элитном, наука об основаниях дифференциации общества, о критериях этой дифференциации, легитимности этой дифференциации, наука, исследующая политическое поведение элиты, систему ее ценностных

ориентаций, ее социальные характеристики. Разумеется, она нуждается в разработке соответствующего категориального аппарата, в том числе определения понятий «лучший», «избранный».

Наконец, часто (прежде всего, в политологии) об элите говорится в узком значении этого термина как о политико-административной, управленческой элите. Именно эта составная часть элитологии стала (может быть, без достаточных на это оснований) наиболее важной, распространенной, «прикладной» частью элитологии, хотя это – лишь одна из многих элитологических дисциплин. В этом узком смысле предметом элитологии (точнее говоря, политической элитологии) является исследование процесса социально-политического управления и, прежде всего, высшей страты политических акторов, выявление и описание того социального слоя, который непосредственно осуществляет это управление, являясь его субъектом (или, во всяком случае, важнейшим структурным элементом этого субъекта), иначе говоря, исследование элиты, ее состава, законов ее функционирования, прихода элиты к власти, удержания ею этой власти, легитимизации элиты как правящего слоя, условием чего является признание ее ведущей роли массой последователей, изучение ее роли в социальном процессе, причин ее деградации (как правило, вследствие ее закрытости) и ухода с исторической арены как не отвечающей изменившимся историческим условиям, изучение законов трансформации и смены элит.

В структуру предмета элитологии непременно входит история развития знаний об элитах, то есть история элитологии⁷. В центре предмета элитологии находится исследование ее законов – законов структуры (строение элиты, связь между ее элементами, которые обычно являются подсистемами элиты как целостной системы – политическая, культурная, военная элиты и др.), законов функционирования элит, взаимодействия элементов системы, зависимостей между различными ее компонентами, роли, в которой каждый из этих компонентов выступает по отношению к элите как целостному феномену, законов связи и субординации элементов этой системы, наконец, законов развития этой системы, перехода ее с одного уровня на другой, обычно более высокий, к новому типу связей внутри этой системы. Подробнее об этом речь пойдет далее.

Российская школа элитологии. Термин «элитология» – российская новация. Он введен в научный оборот в 1980-х годах и получил широкое распространение в российских общественных науках, начиная со второй половины 1990-х годов, когда был опубликован ряд работ по этой проблематике⁸.

Научные школы МГИМО

Можно смело сказать, что сложилась российская школа элитологии. Одним из ее центров является МГИМО (У), где работают элитологи – профессора О. В. Гаман, Е. В. Охотский, Г. К. Ашин и др.

К сожалению, зарубежные коллеги не спешат (пока?) признавать необходимость и законность этого термина (не потому ли, что это именно российская новация?), однако, сами не предлагают его эквивалента. Можно вполне допустить, что термин «elitology» режет слух людям, для которых английский язык является родным. Не случайно, они предпочитают термин «political science» политологии и «cultural studies» – культурологии. Впрочем, мы отнюдь не цепляемся за термин⁹. Как говорится в русской поговорке: «Хоть горшком назови, только в печь не ставь».

За последние годы автор этой статьи посетил более 20 университетов США, Великобритании, ФРГ, во многих из них выступал с лекциями по элитологической проблематике, а также с докладами на всемирных философских, политологических, социологических конгрессах и конференциях. Причем в зарубежных вузах мне, как правило, предлагалось читать лекции и спецкурсы под традиционными для американцев и западных европейцев названиями: «Социология элиты» на социологических факультетах и «Политические элиты» – на политологических. Приходилось разъяснять, что социология элиты и проблемы политических элит – лишь части элитологии, пусть весьма важные. В самом деле, разве курсы «Политические элиты», «Социология элиты», «Теории элиты», читаемые в западных университетах, исчерпывают всю элитологическую проблематику? Их можно скорее рассматривать как отдельные разделы элитологии, которые описывают те или иные аспекты феномена элиты как целостного, системного объекта. При подобном фрагментарном подходе нельзя охватить предмет исследования – элиту – как определенную целостность, как некоторую систему, раскрыть законы функционирования и развития этого феномена, исчерпать все богатство отношений внутри элиты и отношений элиты и общества в целом. Именно на таком целостном, системном подходе к феномену элиты и элитного настаивает элитология, в частности, российская школа элитологии. Что касается самого термина «элитология», его значения нельзя преувеличивать, он, как и всякое научное понятие – всего лишь момент, пусть даже узловой момент, определенной концепции. Элитология – наиболее широкое понятие, включающее все науки об элитах, безотносительно к ценностной ориентации того или иного ученого, разрабатывающего эту проблематику, независимо

от того, является ли он апологетом, певцом элиты или же критиком общества, нуждающегося в элите для своего управления и ставящего элиту в привилегированное положение. Элитология стремится быть научной, а не идеологичной.

На многих конгрессах и конференциях приходилось выслушивать критику подхода к элитологии как к относительно самостоятельной научной дисциплине. Характерны и небезы-interесны возражения западных коллег против самого термина «элитология» и против выделения ее в самостоятельную науку. Вот мнение одного из них: «Сам термин довольно неуклюжий, корявый, к тому же состоит из двух корней – латинского (элита) и греческого (логос), что уже говорит о его эклектичности». Я отвечал, что с этим аргументом можно согласиться, что я с большим удовольствием ввел бы термин «аристология», где оба корня были бы греческими, что греческое «aristos» представляется мне более предпочтительным, чем имеющее латинский корень «элита». Но все дело в том, что термин «элита», введенный в научный оборот В. Парето, является устоявшимся, прочно утвердившимся в науке, а термин «аристология» внес бы еще большую путаницу и без того непростую проблему.

Еще одно возражение против элитологии. Один из участников обсуждения этой проблемы сказал: «Плохо, когда увеличивается количество научных дисциплин» и призвал опереться на слова знаменитого средневекового схоласта У. Оккама о том, что «не следует умножать сущности». Отвечая коллеге, пришлось сослаться на то, что цитата из Оккама приведена им не полностью: философ говорил о том, что «не следует умножать сущности без особой на то надобности». А тут именно тот случай, когда существует «особая надобность». Слишком велика роль элит в историческом процессе вообще, и слишком натерпелась Россия от некачественных, жестоких, порой нечистых на руку элит.

Но вернемся к курсам, читаемым в ряде западноевропейских и американских университетов, имеющих своим предметом ту или иную элиту, тот или иной аспект исследования элит. Курс «Теории элит» обычно носит лишь историко-политологический характер. Весьма интересный курс, читаемый Л. Филдом и Дж. Хигли «Элитизм» (и книга с таким же названием¹⁰) анализирует важную парадигму, непосредственно относящуюся к нашей проблематике, но это лишь одна из парадигм, не принимающая во внимание эгалитаристскую парадигму (и уже потому она не может претендовать на целостный анализ элитологии). Не могут нас удовлетворить и элитаристские концепции

в духе Ф. Ницше и Х. Ортеги-и-Гассета хотя бы потому, что все они безоговорочно принимают дихотомию элита—масса как аксиому, как норматив цивилизованного общества, игнорируя возможность изучения и интерпретации феномена элиты исследователями, исходящими из эгалитарной парадигмы и считающими наличие элиты вызовом демократии, оставляя в стороне возражения против увековечивания этого деления как неисторического подхода к самому факту существования элиты.

Еще меньше может претендовать на охват всей элитологической проблематики курс «Политическая элита». Нужно отметить, что подавляющее большинство современных исследователей признают плюрализм элит (политической, экономической, религиозной, культурной и т. д.). Но если в каком-либо контексте понятие «элита» используется без прилагательного, уточняющего, какая именно элита имеется в виду, можно быть уверенным, что речь идет о политической элите. Само это обстоятельство указывает на то, что в общественном сознании на первый план выступает именно политическая элита, которая оттирает на задний план иные, неполитические элиты (что, по нашему мнению, скорее плохо, чем хорошо, ибо по умолчанию предполагает примат политической элиты). Нам же представляется более справедливым, что в иерархии элит, социально-доминантных групп ведущее место должно по праву принадлежать культурной элите, творцам новых культурных, цивилизационных норм. Высшее место в иерархии элит и лидеров человечества следовало бы отдать не Александру Македонскому, Цезарю, Наполеону, Ленину или Черчиллю, но Будде, Сократу, Христу, Канту, А. Эйнштейну, А. Д. Сахарову, А. И. Солженицыну.

Если отвлечься от узкой, односторонней, можно сказать, несколько обывательской, трактовки элиты как группы политических лидеров, то ее можно трактовать как авангард любой социальной общности, будь то человечество, страна, нация (вплоть до малой группы), ее наиболее активная часть – это творцы культурных норм, зачинатели социальных преобразований, те, кто выполняют роль разведчиков социума. Между прочим, сказанное относится не только к элите человечества, но и в известной мере к элитам биологических популяций. Один из крупнейших российских психофизиологов П. В. Симонов, исследуя популяцию крыс, (которых он считал одними из наиболее умных представителей животного мира), выяснил, что в этой популяции можно выделить различные группы – одну, составляющую абсолютное большинство (назовем ее консервативной группой), а также небольшую, наиболее

активную группу новаторов, наиболее любознательных особей. Эксперимент состоял в том, что в определенном ограниченном пространстве, (хотя оно и имело выход наружу), крысы получали достаточное количество пищи и других «крысиных благ», и наиболее простым и безопасным способом их жизнедеятельности было не выходить наружу – в чистое поле, где невозможно было укрыться от врагов, (а среди них были хищные птицы); большинство так и поступало. Но в популяции был и определенный процент особей, достаточно любопытных, обуреваемых жаждой знаний, чтобы «рискнуть», разведать новое пространство и постараться освоить его. Это и были элитные особи, объективно действовавшие для популяции.

Пожалуй, ближе всего к предмету элитологии подходит предмет социологии элиты. Однако, и предмет социологии элиты существенно уже, чем предмет элитологии. Социология элиты не исчерпывает все богатство содержания элитологии. На заседании Ученого Совета Института социологии РАН один из его членов, критикуя термин «элитология», сказал по этому поводу, что в социологии большое количество терминов, и при желании можно к каждому из них добавить слово «логия» и подобным образом создать множество новых наук. Думается, что в такой постановке вопроса можно разглядеть своего рода «социологический экспансионизм», уверенность в том, что все социальные проблемы можно разрешить в рамках социологии. Не является ли такой подход проявлением своего рода «детской болезни» сравнительно молодой науки, стремящейся «отвоевать» себе как можно большее пространство? Но ведь элитологические проблемы решали не одно тысячелетие лучшие умы человечества, начиная с Конфуция и Платона, тогда как социология существует лишь около двух столетий. Не следует абсолютизировать и социологические методы исследования; в элитологии они дополняются философскими, политологическими, культурологическими, психологическими. Социологический подход к выявлению элиты был предложен одним из основоположников и классиков элитологии конца XIX—начала XX вв. В. Парето. В различных сферах человеческой деятельности он выделял людей, осуществляющих эту деятельность наиболее успешно (им он ставил индекс 10, а далее – по нисходящей до нуля). Допустим, по критерию богатства следует поставить десятку миллиардерам, единицу – тому, кто едва держится на поверхности, зарезервировав о для нищего, бомжа (хотя, строго говоря, по Парето, всегда существует иерархизация, а, следовательно, элита нищих, бомжей и т. д.). Но можно ли использовать

Научные школы МГИМО

указанный критерий при определении, допустим, культурной элиты? Какой индекс мы присвоим Ван Гогу или Вермееру – гениям живописи, не оцененными по достоинству современниками, или И. С. Баху, гениальность которого в полной мере была оценена только его благодарными потомками? Очевидно, понадобятся специфически культурологические критерии. Социология элиты – важнейшая часть элитологии, но это все же только ее часть. Поэтому системный подход, предлагаемый российской элитологией, представляется нам более перспективным.

Российская школа элитологии сложилась в последние два десятилетия XX века. И это вполне объяснимо. Известно, что в советское время элитологическая проблематика была табуирована. Исследования советской элиты были невозможны по идеологическим (а, значит, и цензурным) соображениям. В соответствии с официальной советской идеологией, элита – атрибут антагонистического общества, и ее не может быть в обществе социалистическом (хотя наличие элиты – привилегированного слоя в виде, прежде всего, верхушки партийно-советской бюрократии было секретом Полишинеля). Исторически элитологическая проблематика вошла в советскую науку с «черного хода» – через разрешенный жанр «критики буржуазной социологии» (разумеется, сам этот термин – такая же бессмыслица, как «буржуазная физика» или «буржуазная биология»).

И не случайно, что российская элитология сформировалась в годы демократического транзита России. Когда цензурные препоны были сняты, элитологические исследования в России стали осуществляться широким фронтом. Перефразируя слова непопулярного ныне классика, Россия «выстрадала» элитологию. Очень уж пострадала она от правления неквалифицированной, авторитарной (а тем более, тоталитарной), часто коррумпированной политической элиты, что вылилось в острую потребность в научной дисциплине, которая выявила бы оптимальные подходы к повышению качества элиты, принципам ее рекрутирования, демократического контроля над элитой, элитного образования.

К тому же были и другие важные предпосылки для формирования школы современной российской элитологии. Она могла опереться на мощные традиции русской дореволюционной и эмигрантской философии, политологии, правоведения, социологии, представленные такими выдающимися деятелями науки и культуры, как Н. А. Бердяев, М. Я. Острогорский, П. А. Сорокин, И. А. Ильин, Г. П. Федотов, внесших неоценимый вклад в развитие элитологии. А во второй половине XX века

к ним присоединились А. Авторханов, М. Восленский и др.

Российская школа элитологии бурно развивается в последние два десятилетия; ее представители опубликовали около ста монографий, тысячи статей по важнейшим аспектам элитологии¹¹. Школа российской элитологии по праву заняла ведущее место не только в исследовании российских элит (еще пару десятилетий назад о российских элитах можно было узнать лишь из работ зарубежных советологов и российских политэмигрантов), но и по истории элитологии, элитологической регионалистике (где мы вышли на одно из первых мест в мире, если не на первое), по ряду общетеоретических проблем элитологии.

Элитологический тезаурус. Как всякая становящаяся наука, элитология нуждается в осмыслении и уточнении своего понятийного аппарата, разработке общей теории и методологии, переводе теоретических понятий на операциональный уровень, развороте эмпирических исследований элит, сравнительных элитологических исследований. Начнем с различения таких понятий, (которые до сих пор смешиваются), как элитология, элитизм, элитаризм. Смешение этих терминов – прежде всего, результат того, что элитология зарождалась как элитаризм, ибо ее теории были выразителями интересов тех слоев населения, из которых и рекрутировались члены элиты, и которые выступали идеологами (и тем самым апологетами) этих слоев.

Элитаризм – это концепция, исходящая из того, что разделение общества на элиту и массу – норматив социальной структуры, атрибут цивилизации (отсутствие такого разделения – признак дикости, неразвитости общества). Чем более аристократично общество, тем выше оно как общество (Ф. Ницше). Элита в этом понимании – страта, являющаяся в большей или меньшей степени закрытой, члены которой не принимают или презирают нуворишей. Таким образом, элитаризм – аристократическое и глубоко консервативное мировоззрение. Соответственно, сочинения его сторонников – рефлексия по поводу той самой высшей социальной страты, к которой они относятся или на ценности которой ориентируются.

Элитизм – явление, близкое к элитаризму, но не тождественное ему понятие. Принимая в качестве исходного постулата ту же дихотомию элита – масса, его сторонники, однако, не относятся к массе с презрением, они более либеральны, с уважением относятся к массе, признавая ее права на место «под солнцем». Во всяком случае, в их понимании элита не должна быть закрытой стратой общества, а, напротив, открыта для наиболее

способных выходцев из незлитных слоев, в том числе и из социальных низов. Признается законным и даже желательным высокий уровень социальной мобильности. Любое общество подвержено социальному расслоению, которое вызвано неравным распределением способностей; в конкурентной борьбе за элитные посты побеждают более подготовленные к управленческой деятельности. Для элитистов характерен меритократический подход к элите (впрочем, такой подход отнюдь не является монополией элитистов, он присущ как ряду умеренных элитаристов, так и умеренных эгалитаристов).

Элитология – наиболее широкое понятие, объединяющее всех исследователей элиты, независимо от их методологических установок и ценностных предпочтений, включая и сторонников эгалитарной парадигмы, для которой наличие элиты – вызов фундаментальной ценности общества – равенству. Среди эгалитаристов есть сторонники грубой уравнильности, вплоть до полного имущественного равенства, эгалитаристы, для которых невыносимо, чтобы среди «равных» находились такие люди, которые, по выражению Дж. Оруэлла, «более равны, чем другие» (радикальные эгалитаристы). Но значительно большее число эгалитаристов обосновывают допустимость определенной степени неравенства в соответствии со способностями и, главное, заслугами людей, их вкладом в развитие общества, то есть демонстрируют элементы меритократического подхода (умеренные эгалитаристы).

Большинство исследователей элиты исходят из того, что элита является определяющей силой исторического (в том числе политического) процесса, его субъектом. Такой подход таит в себе достаточно произвольное постулирование. Чтобы избежать смешения различных трактовок элиты и ее роли в развитии общества, мы и вводим различие таких понятий, как элитология, элитаризм, элитизм. Первое – более широкое понятие, чем второе и третье. Разумеется, все элитаристы и элитисты являются элитологами, но не все элитологи являются либо элитаристами, либо элитистами. Подобное различие помогает нам, в частности, избежать распространенной ошибки, особенно свойственной американским политологам, относящих выдающегося американского социолога Р. Миллса к элитаристам на том формальном основании, что он использовал дихотомию элита–масса для анализа политической системы США. Миллс не считал наличие властвующей элиты ни идеалом, ни нормой политической системы, справедливо полагая, что сосредоточение власти в руках этой элиты является свидетельством

недемократичности этой политической системы. Таким образом, являясь, несомненно, элитологом, причем выдающимся элитологом, Миллс не был ни элитистом, ни тем более элитаристом. Элитистская парадигма, (объединяющая элитистов и элитаристов), включает тех социологов и политологов, которые, как Л. Филд и Дж. Хигли, считают выделение элиты как субъекта социального управления и ее привилегированное положение законом общественного процесса, его нормативом. Но ведь элитолог, исследующий реально существующую элиту, может критически относиться к самому факту существования этого социального слоя, считая его угрозой для демократии (даже альтернативой демократии); его идеалом социальной организации может быть самоуправляющееся общество, общество без элиты, или же (что, в сущности, одно и то же), общество, все члены которого возвысятся до уровня элиты, будут реальным субъектом, творцами исторического процесса. Что же касается элитаристов и элитистов, то они считают подобные взгляды разновидностью социальной утопии, и наличие элиты для них – имманентный элемент цивилизованных обществ.

В последние годы возрос интерес к элитистской парадигме – прежде всего в политологии, (причем эта парадигма рассматривается обычно в соотношении с эгалитаристской, плюралистической и иными парадигмами). Именно эту проблематику – противостояние и смену различных парадигм в политологии с упором на элитистскую парадигму – и исследуют упомянутые выше Филд и Хигли. Вот схема, рисуемая ими. В первой четверти XX века возникает элитистская парадигма (этим термином они объединяют элитизм и элитаризм) и вытесняет эгалитаристскую парадигму, бросает вызов либеральной и марксистской парадигмам. При этом признается, что основатели элитизма не были полностью враждебны либеральной системе западных ценностей и основного противника видели в марксистской парадигме. Во второй и третьей четверти XX столетия наступает спад, стагнация элитистской парадигмы¹², и интерес к ней вновь возрастает в четвертой четверти столетия. Думается, что эта схема не совсем корректна: она не вполне учитывает, в частности, тот взрыв интереса к элитистской парадигме в 1950-х годах, который был вызван книгами Р. Миллса «Властвующая элита» и Ф. Хантера «Верховное лидерство в США», вызвавшими острую полемику в американской и западноевропейской политологии, направленную в целом на дискредитацию лево-радикальной концепции Миллса и его последователей и защиту плюралистической парадигмы. Эта схема к тому же не принимает во внимание

Научные школы МГИМО

консервативную и аристократическую парадигму, пришедшую в XX век из XIX-го. Короче говоря, эта схема сильно упрощает ситуацию, сложившуюся в XX веке. Положение Филда и Хигли о возрастании роли и значения элитистской парадигмы в третьей четверти XX века и далее в начале XXI века также оспаривается многими политологами и социологами. Впрочем, у них не меньшее число сторонников. К. Лэш пишет о «восстании элит» в Америке³³, Дж. Девлин – о революции элит в постсоветской России; близкую позицию занимают Д. Лейн, К. Росс, У. Циммерман³⁴. В пользу схемы Филда и Хигли говорит, в частности, возрастание влияния «неоэлитистов» Т. Дая, Х. Зайглера и др. (в том числе самого Дж. Хигли), в американской политологии.

Возрастание элитистских концепций в современной политологии отражает, прежде всего, возрастание роли элит в современном политическом процессе. Известный российский элитолог О. В. Гаман справедливо отмечает существенное возрастание влияния власти национальных и транснациональных элит по отношению к массовым группам. Пиком элитаризма она считает период после второй мировой войны и, в частности, период правления Дж. Буша старшего³⁵.

А подтверждается ли схема Филда и Хигли на примере российской политологии? В определенной мере, да. Ряд российских политологов пишет о радикальном повороте российской политологии и социологии от эгалитаритской, анти-элитистской парадигмы, безусловно превалявавшей в советский период, к элитистской парадигме. Но в России в конце XX века сложилась особая, уникальная политическая ситуация. И вряд ли на примере российских общественных наук можно проиллюстрировать мировую тенденцию роста влияния элитарной парадигмы. В России несомненный рост влияния элитистской парадигмы, на наш взгляд, не является результатом естественной эволюции научных взглядов, это скорее результат действия политических причин, это реакция на цензурные, идеологические гонения на элитизм, осуществлявшиеся в советские годы и десятилетия. Известно, что пружина, которая сжимается внешними силами, стремится распрямиться, стремится к колебательному движению в противоположную сторону.

И в России действительно состоялся поворот от эгалитаризма советского типа, эгалитаризма в большой мере фарисейского, отрицавшего наличие в СССР тоталитарной элиты, наделенной институциональными привилегиями и скрывавшего действительное неравенство правящей элиты и народных масс, иначе говоря, псевдоэгалитаризма, пропагандировавшегося апологетами

однопартийной системы, к элитистской парадигме. Этот поворот часто интерпретируется как часть общего поворота от тоталитаризма к демократии.

Думается, однако, что тут слишком много моментов, отражающих специфику именно российской ситуации конца XX века, чтобы можно было считать российский поворот к элитистской парадигме этого периода подтверждением правоты гипотезы Филда и Хигли об общемировой смене парадигм в политологии. В науке переход от одной парадигмы к другой (см.: Т. Кун, Структура научных революций, М., 1975) – результат последовательного накопления фактов и данных, не укладывающихся в общепринятую научным сообществом парадигму, и в результате накопление количественных изменений ведет к смене парадигм, (что тождественно революциям в науке). В российской ситуации конца XX века все происходило иначе. Во-первых, настораживает факт одномоментности и почти полного единодушия российских политологов при переходе от одной парадигмы к другой. Этот переход напоминает скорее не естественный процесс развития науки, а результат некоторой команды сверху (скорее, упреждение этой команды, готовность угадать и исполнить волю «нового начальства»). Это напоминает существовавшую в военно-морском флоте команду, когда эскадре кораблей, идущим в кильватере, адмирал командует: «Право (лево) руля!», – и добавляет: «Все вдруг!». Когда такой поворот имеет место в науке, это отнюдь не свидетельствует об атмосфере в ней свободы и демократии. Слишком уж это похоже на тоталитарные времена, когда «вся советская биология» дружно начинала бороться в менделизмом-морганизмом или все науки в стран – от математики до философии – боролись против кибернетики. Или когда лояльные нацистской Германии физики «опровергали» теорию относительности, созданную «неарийцем» Эйнштейном. Так может быть, учитывая исторический опыт, будет уместно предположить, что суждение о смене парадигм – определенное упрощение процесса развития современного российского сознания, может быть, подобный поворот – очередное шараханье из одной крайности в другую, столь характерное, к сожалению, для российской жизни в последнее столетие; может быть, такое резкое движение небезопасно, будучи движением между Сциллой эгалитаризма и Харибдой элитизма. Так, может быть, реальное движение политической мысли протекает между этими двумя крайностями, в их борьбе и, вместе с тем, их взаимопроникновении, при взаимном учете этих противоположностей. Человечество не одно столетие

мучительно ищет равновесия между федерализмом и унитаризмом, между административно-правовым и гражданско-правовым пространствами, между элитизмом и эгалитаризмом, ищет пути создания устойчивой ненасильственной гражданской власти, построения гражданского общества.

Элитология имеет сложную структуру. Она включает в себя философскую элитологию, социологию элиты, политическую элитологию, историю элитологии, элитологическую психологию (в том числе мотивацию власти, психологические особенности элитного слоя), культурологическую элитологию (элита как творческая часть общества, создающая культурные ценности, анализ элитарной и массовой культуры), сравнительную элитологию, исследующую общие закономерности и особенности функционирования элит в разных цивилизациях, разных странах, разных регионах мира, элитное образование и элитопедагогику. Разумеется, этот список элитологических дисциплин далеко не полон. *Философская элитология*¹⁶ представляет собой наиболее высокий уровень обобщения в элитологии. Она, в свою очередь, обладает сложной структурой. В ней можно выделить элитологическую онтологию, элитологическую гносеологию (включающую древнее тайноведение, эзотерическую гносеологию), элитологическую философскую антропологию, элитологический персонализм.

Элитологическая философская антропология и элитологический персонализм – традиция, идущая от Конфуция, Пифагора, Платона к Н. А. Бердяеву, М. Шелеру и Э. Мунье, обращающаяся к комплексному изучению проблем человека, уделяющая особое внимание вопросу о самосовершенствовании личности, восходящей по ступеням совершенства до уровня элитной личности. Модус человеческого существования есть возможность; человек – это проект (М. Хайдеггер), человек есть то, что он творит (А. Камю). Отсюда – его путь к самосовершенствованию, возможность выйти за свои пределы, возвыситься над ними (элитизация личности). Философскую антропологию можно рассматривать как выявление предельных значений, в которых может быть описана человеческая природа (равным образом может быть поставлен и вопрос об отсутствии этой фиксированной природы, то есть понимание ее как пластичности), возможности выхода за эти пределы (что и может пониматься как феномен элитизации личности). Из близких посылок исходит персонализм: личность – высший смысл цивилизации. Персонализм Н. Бердяева называют «эсхатологическим», но его можно по праву назвать и элитологическим

персонализмом: личность – подобие Бога, она приобретает черты богоподобия в процессе творчества, тем самым реализуя свое призвание. Бердяев утверждал, что важнейшая характеристика человека в том, что он не удовлетворен собой, стремится к преодолению своей ограниченности, к сверхчеловечности, к идеалу. Персонализм стремится создать педагогику, целью которой является пробуждение и развитие личностных начал в человеке, стимулирование самовозвышения личности, ее элитизации, т. е., элитопедагогику. В фокусе ее внимания не просто личность, но яркая личность, субъект творческой деятельности, инновационная личность.

Социально-философская элитология нацелена на поиск нормативного подхода к элите, который, пожалуй, наиболее соответствует этимологии термина «элита», требующего, чтобы к элите относились наиболее творческие, выдающиеся по своим моральным и интеллектуальным качествам люди. К этому подходу близка меритократическая концепция, исходящая из того, что подлинная элита – это не просто те, кто волей рождения или случая оказался «наверху», но элита заслуг, элита ума, образованности, интеллектуального и морального превосходства, эрудиции, творческого потенциала.

Нет сомнения в том, что важное, можно сказать даже центральное место в элитологии принадлежит *социологии элиты* (при этом напомним еще раз, что предмет элитологии шире, чем предмет социологии элиты, они соотносятся как целое и часть). В отличие от философско-социологического подхода, ориентированного преимущественно на нормативность, социология элиты делает упор на исследование реальных элит. Известно, сколь важное значение в социологии уделяется анализу социальной структуры и социальной мобильности (групповой и индивидуальной), причем особый интерес вызывает восходящая мобильность (прежде всего в элиту), изучение механизмов рекрутирования элиты. Для социологии характерен взгляд на элиту как на референтную группу, на ценности которой ориентируется общество. Отвлекаясь по возможности от морализаторских оценок, она выявляет элиту в обществе и в различных социальных группах по таким критериям, как имущественное положение, статус, место во властных отношениях. Упор обычно делается в традициях М. Вебера на статусный подход, связанный с притязаниями на престиж и привилегии, с распределением символического почета. Особый интерес для элитологии в этой связи имеет проблема предписанного статуса, связанного с унаследованными факторами, с социальным

Научные школы МГИМО

происхождением, расовой и национальной принадлежностью и статуса, основанного на личных достижениях. Первый играет определяющую роль в обществах с закрытой элитой, второй – с открытой. Среди социологических методов исследования элит важнейшее место занимает метод эмпирических исследований. В социологии широко применяется статистический метод выявления элиты, предложенный В. Парето.

Признавая важную роль социологии элиты в структуре элитологии, мы хотели бы вместе с тем возразить ряду социологов, которые считают, что элитология как самостоятельная дисциплина не нужна, так как, по их мнению, социология элиты покрывает элитологическую проблематику. Претендуя на решение всех проблем элитологии в рамках социологии, они демонстрируют таким образом своего рода «социологический экспансионизм». Будучи относительно молодой наукой (по сравнению с философией, историей) социология вынуждена была, выявляя свой объект и предмет исследования, «отвоевывать» себе территорию у других, уже сложившихся ранее дисциплин. Подобный «экспансионизм» социологии можно рассматривать как «детскую болезнь» развивающейся дисциплины. То, что существует и плодотворно развивается социология элиты, вовсе не означает, что элитология не нужна, подобно тому, как наличие социологии культуры не отрицает и не подменяет культурологию³⁷, равно как и наличие социологии политики не отменяет и не подменяет политологию.

Как показывает науковедческая статистика, из всех разделов элитологии наибольшее число исследователей привлекает политическая элитология. Внимание к этой проблематике – ответ на широкий общественный интерес к ней, на социальный заказ, на потребность понять, кто является основным субъектом политики – народные массы или же узкая элитная группа, понять, кто стоит за важнейшими стратегическими решениями, влияющими на судьбы миллионов людей, на вопросы войны и мира, кто эти люди, по праву ли они занимают свои позиции, насколько квалифицированно они решают политические проблемы. Используя данные политической социологии, они исследуют социальную принадлежность и происхождение членов политической элиты, возраст, уровень образования и профессиональной подготовленности, ценностные ориентации, основные типы политической элиты

(кастовые, сословные, классовые, номенклатурные, меритократические), группировки, кланы внутри элиты, вопросы формирования и смены элит, анализируют оппозиционные парадигмы: элитизм и эгалитаризм, элитизм и плюрализм, элитизм и демократия. Особый интерес вызывают компаративные исследования различных типов элит, анализ отношений политических элит и народных масс, возможности оптимизации этих отношений, проблемы политического лидерства. Значительной, причем растущей отраслью политической элитологии является исследование региональных политико-административных элит в различных странах мира (отметим в этой связи, что только в постсоветской России по этой проблематике проведено более ста исследований).

Определенные разделы элитологии – исследование экономических, культурных, религиозных, военных элит. Поскольку практически каждая сфера человеческой деятельности имеет свою элиту, если мы попытаемся даже только перечислить различные элиты, это нам не удастся, мы уйдем в бесконечность. В каждом из разделов элитологии наряду с их спецификой, можно вычленить определенные общие закономерности, создать общую теорию, методологию элитологии, которая «работает» во всех этих специфических областях, своеобразно в них преломляясь.

Мы начали обзор структурных элементов элитологии с тех, которые в последние десятилетия мало привлекают внимание исследователей (с философской элитологии), а закончили той, которая особенно интенсивно исследуется (политической элитологией). Хотелось бы несколько подправить этот дисбаланс, обратив внимание элитологов на слабо освещенную в литературе, причем фундаментальную проблематику философской элитологии, которая представляет собой ту основу, на которой строится общая теория элитологии, ее метатеорию.

Gennady K. Ashin. Elitology in the Sistem of Social Sciencies.

The term «elitology» is a Russian innovation of the end of the 20th century. It was introduced to meet the needs of a complex discipline dealing with the elite phenomenon which integrates the achievements and methods of philosophy, political science, sociology, history, psychology, cultural studies. The article emphasizes the role of philosophy as the theoretical basis for solving elitological problems.

1. «Дисциплинарно организованные науки, – пишет академик В. С. Степин, –... ставят проблему синтеза развиваемых в них представлений о мире... Различие междисциплинарных и дисциплинарных исследований состоит в масштабах обобщения... В междисциплинарных исследованиях связываются между собой казалось бы отдельные предметные области» (Саморазвиваю-

- щиеся системы и постнеклассическая рациональность) // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 13).
2. Впрочем, любая наука в определенном смысле элитарна, и ее развитие – это отбор лучшего из возможных вариантов; история науки в самом общем виде – это выявление и сохранение лучшего (и отбрасывание худшего, не оправдавшее себя). Это лучшее становится достигнутым на определенный момент уровня развития науки, на котором вновь выявляется, отбирается лучшее, новое, прогрессивное, то есть развитие науки и есть выбор элитного и, в известном смысле, она – практическое применение законов элитологии.
3. См.: Богданов А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2-х т. М., 1989.
4. См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975; Он же. Развитие праксиологии // Вестник международного института А. Богданова. 2000. № 2.
5. Шишкин М. А. Биологическая эволюция и природа нравственности // Шишкин А. Ф. МГИМО. 2003. С. 143. Интересны соображения профессора МГИМО (У) М. В. Ильина: «Биологической аналогией для человеческого сообщества являются природные «сообщества» в виде экосистем биосоциогенозов... различать можно и нужно не только биологическую и социальную эволюцию, но также эволюцию (инди)видов и ойкосов любых разновидностей от простейших биоценозов до мировой системы государств» // Полис. 2009. № 2. С. 188.
6. Элитология может выполнять методологические функции по отношению к частным наукам, выступать как метатеория (например, по отношению к такому важнейшему разделу политэкономии, как теория конкуренции).
7. Ашин Г. К. Курс истории элитологии. М, 2003.
8. Отметим следующие работы: Афанасьев М. Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.—Воронеж, 1996; Ашин Г. К. Современные теории элиты. М., 1985; (в этой книге впервые использован термин «элитология»). Отметим также: Ашин Г. Элитология: становление, основные направления. М., 1995; Основы элитологии. Алматы, 1996; Ашин Г., Бережная Л. Н., Карабущенко П., Резаков Р. Теоретические основы элитологии образования. Астрахань, 1998; Ашин Г., Охотский Е., Курс элитологии, М., 1999; Ашин Г., Понеделков А., Игнатьев В., Старостин А. Основы политической элитологии. М., 1999; Ашин Г. Элитология. Учебное пособие для гуманитарных вузов. М., 2005; Ашин Г. Мировое элитное образование. М., 2008; Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. М., 1998 (2-е изд., 2006); Понеделков А. В. Политико-административные элиты России. Ростов-на-Дону, 2005; Карабущенко П. Элитология Платона. Астрахань, 1998; Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2003; Мохов В. П. Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000; Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации. СПб, 2001; Властные элиты и номенклатура. Аннотированная библиография российских изданий 1990—2000 гг., под ред. Дуки А. В. (В книге – аннотированный список из 460 изданий по этой проблематике); Властные элиты современной России. Ростов-на-Дону, 2004. Книга снабжена библиографией изданий по проблемам элитологии (716 названий). Современная библиография может содержать более 2000 названий.
9. Во всяком случае, автор хотел бы выразить свою признательность известному американскому социологу и политологу Дж. Хигли за то, что на съезде российских политологов в 2006 г. он использовал термин «elitology».
10. Field L. and Higley J. Elitism. L., Boston, 1980.
11. Свой вклад в российскую элитологию внесли московские элитологи М. Н. Афанасьев, Г. К. Ашин, О. В. Гаман, О. В. Крыштановская, Е. В. Охотский, А. Е. Чирикова, Н. В. Лапина и др., ростовские элитологи А. В. Понеделков, В. Г. Игнатов, С. Е. Кислицин, А. М. Старостин, петербуржцы А. В. Дука, В. Я. Гельман, астраханцы П. Л. Карабущенко, Н. Б. Карабущенко, пермяк В. П. Мохов, М. Х. Фарукшин (Казань), А. К. Магомедов (Ульяновск), элитологи Екатеринбурга, Саратова, Татарстана и многих других регионов России. Именно в России впервые в мире стали выходить элитологические журналы – «Элитологические исследования» (теоретический журнал, ныне выходящий в электронном виде), «Российская элита» (иллюстрированное популярное издание), «Элитное образование». В настоящее время российская элитология является одной из ведущих в мире. Это не просто набор каких-то отдельных теорий или концепций, а единая наука с общей методологической основой. За последние 20 лет число элитологов в России увеличилось на два порядка.
12. Field L. and Higley J. Elitism, L., 1980, Pp. 4, 117—130.
13. Книга К. Лэша (C. Lash, «The Revolt of Elites...»), NY—L, 1995.
14. Devline J. The Rise of the Russian Democracy. The Causes and Consequences of the Elite Revolution, 1995; Lane D. and Ross C., The Transition from Communism to Capitalism. Ruling Elites from Gorbachev to Yeltsin, N.Y., 1999; Zimmerman W., Russian People and Foreign Policy: Russian Elite and Mass Perspectives 1993—2000. N.Y., 2002.
15. См.: Гаман-Голутвина О. В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт // Полис. 2008. № 6. С. 68—69.
16. Ашин Г. К. Философская составляющая элитологии // Вопросы философии. 2004. № 7.
17. См.: Kemple T. Culture and Society, L., Los Ang., 2007.